

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Р.С. Гринберг,

*директор Института экономики Российской академии наук,
член-корреспондент РАИ*

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству - при всех задержках и даже откатах - сохраняются. Главное - уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. Попытаюсь кратко охарактеризовать итоги пятнадцатилетней «русской трансформации».

Чего хотели и что получилось?

Надо признать ряд положительных итогов состоявшихся рыночных преобразований. Их очевидная позитивная сторона в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчезли униженные дефициты товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Особенно отраднo, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Происходит становление предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям россияне быстро усвоили «рыночный» образ мышления и действия. Устранена типичная /для советского строя уравнивательность в личных доходах, и виден ощутимый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее не-

доступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо ли-бедно, начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т. е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и так далее.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 90-е годы недавно завершившегося столетия Россия явно отдалась от желаемых социально-экономических стандартов евро-атлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны «третьего» мира с громадной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуется не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена.

Конечно, на результативность отечественных реформ продолжают влиять весьма мощные объективные факторы, делающие системную трансформацию в России намно-

го труднее, чем у наших партнеров по бывшему СЭВ. Если в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет и являлся, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Далее надо иметь в виду, что в отличие от стран ЦВЕ перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который часто игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия отнюдь не стала исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России оказалось огромное бремя военного производства.

Тем не менее без особого риска преувеличения можно утверждать, что разочаровывающие итоги системной трансформации в России по преимуществу рукотворны и только во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. Во всяком случае, чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированными.

Утрата социальной солидарности, социальное разобщение - еще один плачевный итог трансформации российского общества. Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, - пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Интенсивное искоренение морально-этического компонен-

та из социального бытия деформирует повседневную жизнь человека. Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия. Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России тяжелой психологической травмой, источником как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий.

Хуже всех пришлось представителям прежнего среднего класса, который к началу реформ был весьма многочисленным (профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие). Их жизненный уровень по сравнению с другими группами населения упал особенно резко.

Начиная с конца 1950-х годов в СССР стали зарождаться если не элементы, то определенные предпосылки гражданского общества: появился широкий слой преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства, т. е. все те признаки классового сознания, которые отличают средний класс от среднего потребительского слоя. Представители этого класса были особенно заметны в крупных промышленных центрах. Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, наличие которых выдвигало ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран.

Однако инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно представители среднего класса испытали в наибольшей мере экономическую и социальную **ДепрИВаЦИЮ В ХОДЕ** Проведения ре-

форм. Российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться от этой социальной группы. Большинство ее представителей было выброшено на обочину социальной жизни, очень многие эмигрировали. Таким образом, один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству - творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала - невосполнимая и с экономической, и с социальной точки зрения потеря, которую понесла Россия за эти 15 лет.

Следует указать и на такое важное социальное последствие российских реформ, как растущая пропасть между властью и народом. Отчуждение населения от государственного аппарата, характерное для тоталитарного режима, не только не исчезло, но в итоге трансформации в 90-е годы даже усилилось. Фактически государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а значительная часть населения, в первую очередь бюджетники, наемные работники, пенсионеры, дети и инвалиды, - в обузу для членов этой корпорации.

Таков перечень основных составляющих той социальной цены, которую платит страна за радикальные рыночные реформы. Теперь об их политических итогах.

В России, в отличие от других европейских государств, либеральные идеи традиционно не имели широкой социальной базы. Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской истории XIX-XX вв. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую 90-х годов XX в. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей свободы личности и частной инициативы. К началу 90-х годов они захватили значительную, если не большую, часть населения, причем самую продуктивную. Словом, возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен серьезный шанс для развития демократических процессов, фор-

мирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 90-е годы вызывало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 90-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма - главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 90-е годы. Сегодня общество пожинает посеянные им плоды. С грустью приходится констатировать, что нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает созданный в годы реформ экономический базис.

***«Магическое мышление»,
или почему они «такие»***

Есть, по-видимому, веские основания полагать, что появление на российской политической сцене радикальных реформаторов - результат традиционного и, как всегда, не оправданного нетерпения западного крыла российской интеллектуальной элиты, волею судеб оказавшейся у власти в стране в начале 90-х годов. Сегодня это важно подчеркнуть, потому что в наши дни, по прошествии периода «бури и натиска», стало хорошим тоном если не демонизировать состав первой бригады «шокотерапевтов», то, по крайней мере, отрешиваться от них. На самом деле и интеллигенция, и так называемые простые люди в своем подавляющем большинстве просто обожали тогда молодых энергичных реформаторов, а если уж быть совсем точным - их патрона, первого президента России, обещавшего в короткие сроки «осчастливить» народ. Ведь это только сегодня трудно обнаружить людей, голосовавших за Ельцина и безоговорочно поддержав-

ших его юных соратников. А в решающем 1991 г. все было иначе. И если «глас народа - глас божий», то их не в чем упрекать. В ловушку очередной, па этот раз неолиберальной, утопии угодила мыслящая часть народа, к сожалению, сыгравшая решающую роль в формировании и распространении новых социальных иллюзий.

Нелепо также осуждать радикальных реформаторов за то, что они якобы положили начало разбалансированности экономики страны. К 1992 г. она в своей подавляющей части уже была разбалансирована как результат губительного для всех противоборства российских властей и союзного Центра. Несомненно, правы те из реформаторов, которые утверждают, что ко времени их вхождения во власть управляемость экономикой - советской вообще и российской, в частности - уже в значительной мере была утрачена, а товарно-денежное неравновесие достигло огромных размеров. Правда, им придется признать, что тем и другим страна главным образом обязана их покровителям и им самим.

Некорректна, на мой взгляд, и весьма распространенная в обществе огульная критика так называемой шокотерапии, под которой обычно понимается состоявшаяся 2 января 1992 г. одномоментная либерализация цен. Для сторонников рыночной экономики, в принципе, не должно быть сомнений в том, что большинство цен нужно было отпускать, иначе просто не был бы запущен механизм рыночного саморегулирования. Можно, правда, спорить о соотношении твердых и свободных цен в тогдашних российских условиях. Но это сюжет для особого разговора. Как бы то ни было, явно несостоятелен упрек реформаторам в том, что они не учли монополистическую природу советской экономики. Многие и сегодня считают, что сначала будто бы нужно было сформировать конкурентную среду и лишь после ее образования приступить к отпуску цен. Такое представление насквозь утопично, так как, в принципе, невозможно создать конкурентные отношения при фиксированных ценах.

Что касается не мнимых, а действительных ошибок «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, то здесь, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же

имеет смысл обратить особое внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ, как, впрочем, и в экономической политике в целом. Вопрос этот, к сожалению, так и не утратил своей актуальности.

Начну с ярко выраженной склонности как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд и распространенных заблуждений, иллюзий и мифов. Среди иллюзий я отметил бы, прежде всего, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада, оправдывающих погоню за его экономическими и социальными стандартами, а также абсолютизацию так называемых универсальных экономических закономерностей, не учитывающих требования «места и времени». Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, чем реформаторы имели обыкновение объяснять опасения коммунистического реванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить наивно-благостное отношение к порядкам в современном мировом хозяйстве, где будто бы царят только отношения дружбы и взаимопомощи. С самого начала радикальных реформ верным считался тезис: быстрая открытость экономики России благотворна, постепенная и дозированная - вредна.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с реальной действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг безусловной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах, и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в хозяйственную жизнь должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. И, наконец, в-третьих, в качестве мифа надо рассматривать приверженность реформаторов теории «обузы», согласно которой Россия быстрее вошьется в лоно цве-

тушего Запада без былой обузы - слабых спутников в лице постсоветских республик. При этом почему-то господствовало представление, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Здесь напрашивается возражение, что все это уже в прошлом, что в постдефолтной России экономическая политика утратила свою сугубо идеологическую направленность и приобрела исключительно прагматический характер. Этого и хотелось бы, но что-то мешает так думать.

Трудно избавиться от ощущения, что экономическая философия, положенная в основу конкретной политики, сегодня никак не изменилась по сравнению с началом 90-х годов. Установка на разгосударствление экономики по всем линиям продолжается, хотя и создаются мощные холдинги, о которых разговор особый. Попытки «маркетизации» всей российской жизни продолжаются, несмотря на, казалось бы, богатейший печальный опыт «либерализма без берегов», из которого давно пора бы извлечь хоть какие-нибудь полезные уроки.

С упорством, достойным лучшего применения...

В соответствии с представлением, все еще очень живучим и у нас, и на Западе, сформированный в начале 90-х годов нелиберальный план трансформации командной экономики в рыночную провалился в России только потому, что разные «непредвиденные» обстоятельства не давали его осуществить, - хотя сам-то план был безукоризненный. Разные обстоятельства - это «плохие» коммунисты, всегда жаждущие реванша, популистский левоориентированный парламент и, наконец, инертное, в патернализме воспитанное население, которое еще не утратило надежду выжить после проведенных реформ.

Примечательно, что даже после событий 1998 г. официальная оценка Международным валютным фондом причин провала российских реформ оставалась неизменной. Руководители МВФ нехотя признавали отдельные ошибки в советах, дававшихся российским реформаторам, - например, просчетом считается согласие на жесткий «валют-

ный коридор». В целом же, «если бы русские (здесь я почти буквально цитирую Фишера, Сми и Камдессю) полностью выполняли рекомендации, которые они сами для себя выработали с нашей помощью, реформы были бы успешны». А рекомендации эти, как известно, были предельно просты: максимальная приватизация, минимальный уровень инфляции, максимальная открытость внешнему миру и минимум государственного интервенционизма.

Сегодня все указывает на то, что на страну накатывается новая волна людоедского, по сути, либерализма. Особенно заметна нацеленность экономических ведомств на дальнейшее сокращение бюджетных расходов в социальном секторе, которые и так снизились до недопустимого для нашей страны уровня. В 90-е годы еще были какие-то иллюзии спонтанного роста внебюджетной поддержки отраслей социальной сферы, какие-то наивные надежды, что часть бюджетной ноши перехватят новоиспеченные частные хозяйствующие субъекты. Теперь же совершенно отчетливо просматривается стратегическая установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного, я подчеркиваю, бесперебойного государственного финансирования. Абсолютно игнорируется объективный характер убыточности подавляющей массы организаций социальной сферы при любой степени зрелости рыночной экономики. Именно из факта врожденной убыточности этой сферы, собственно, и вытекают конституционные гарантии и бюджетные обязательства современного государства по систематической поддержке учреждений здравоохранения, фундаментальной науки, культуры и образования. Здесь замечу, что такая поддержка осуществляется на регулярной основе во всех зрелых рыночных экономиках и относительно успешных постсоциалистических странах.

Но наше правительство, скорее всего не только из идеологических, но и фискальных соображений, этого делать не хочет и ведет, судя по всему, дело к тому, чтобы избавиться от конституционных гарантий «социального» государства (это ли не насмешка над писаной конституцией?) и перейти к договорным отношениям, которые по природе своей носят преходящий характер. Итог такой политики

более или менее очевиден и не заставит себя долго ждать: деградация социальной сферы стремительно приблизит ее коллапс, а намерения построить новую экономику, основанную на знаниях (knowledge-base economy), останутся лишь прекраснодушными мечтами.

Вообще говоря, все мы должны считаться с одним любопытным глобальным интеллектуальным феноменом наших дней. Я имею в виду громадное влияние, если не сказать, тотальный «террор» идеологической составляющей основного русла современной экономической мысли. А содержание этой составляющей, коротко говоря, сводится к следующей максиме: «ошибки государства всегда хуже ошибок рынка». Отсюда следует, что лучше «переборщить» с дерегулированием, чем с чрезмерным распространением государственных интервенций с их неизбежными бюрократическими извращениями.

В то же время существует громадный разрыв между идеологической составляющей и реальной практикой самых «рыночных» западных стран. Достаточно сказать, что сегодня через совокупный государственный бюджет стран ОЭСР, т. е. самых богатых государств мира, перераспределяется половина валового внутреннего продукта, в то время как 100 лет назад этот показатель нигде не превышал 10%. Уместно заметить, что 100 лет назад никакого среднего класса не существовало, а появился он лишь во второй половине прошлого века, т. е. именно тогда, когда участие государства в экономической жизни общества достигло своего апогея как в количественном, так и в качественном отношении.

Совершенно очевидно, что начавшаяся на Западе четверть века назад «демонизация» государства как такового связана исключительно с «пересоциализацией» зрелых рыночных экономик, т. е. с определенной гипертрофией социальных функций государства. Тем не менее ограничение там государственного интервенционизма, причем чаще всего мнимое или очень незначительное, нужно рассматривать лишь как коррекцию «государства всеобщего благосостояния», но отнюдь не как его демонтаж.

Но нашим реформаторам реальная, а не выдуманная жизнь «эталонных» стран, как видно, не особенно интересна. Им подавай идеологически чистые режимы свободного

рынка, где государство низведено до роли «ночного сторожа» образца XVIII в. Создается впечатление, что для них любая государственная активность порочна за исключением обеспечения «единства правил игры для всех» и принуждения к их соблюдению. Правда, все это легко сочетается с причитаниями по поводу «слабого» государства и желанием укрепления авторитаризма власти. Словом, у нас в России антиэтатистская риторика - не просто риторика. Она по-прежнему - руководство к действию. И в этом я вижу большую опасность.

Сказанное не означает, что социальная политика не требует обновления. Но в ее основу должно быть положено принципиально иное мировоззренческое представление, в соответствии с которым именно развитие социальной сферы в ее широком значении определяет перспективы устойчивого экономического роста, а не наоборот, как это сегодня принято считать у федеральной и региональной элит. При оптимизации социальной политики, разработке ее параметров предстоит решительно отмежеваться от широко распространенного мнения, что расходы на социальные цели - всегда вычет из национального богатства и препятствие для экономического роста.

Опыт Запада и успешных постсоциалистических стран однозначно подтверждает правоту следующего тезиса: правильно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а, наоборот, стимулируют ее, обеспечивая к тому же необходимую политическую поддержку реформам. Так что, как бы банально это ни звучало, основное требование сегодняшнего дня - прекратить разрушение человеческого потенциала и создать условия для его возрождения и всестороннего развития, имея в виду квалификационно-образовательные характеристики человека, его культурный уровень, реальный доступ к эффективному здравоохранению и достойному социальному обеспечению.

Наука имеет значение

Насколько мне известно, нигде в мире ни либералы, ни интервенционисты не ставят под сомнение отмеченную выше действо-

вавшую на протяжении всего XX в. тенденцию поступательного расширения участия государства в экономической жизни любого социума. Есть, разумеется, различия по странам: где-то государственная квота, т. е. отношение национального бюджета к ВВП, больше, где-то меньше. Но факт ее роста на протяжении большей части прошлого века в мировом научном сообществе не оспаривается. Споры начинаются при интерпретации самого факта «разросшегося» государства. Одни считают, что это плохо, другие - хорошо, третьи же - к ним я причисляю и себя - призывают относиться к систематической государственной активности как к некоей объективной закономерности, имея в виду, что тут также закономерны свои приливы и отливы.

Здесь я хотел бы несколько подробнее остановиться на вопросе о роли экономической науки в социально-экономическом развитии вообще и о соотношении теоретического знания и практической политики, в частности. Ведь это только на первый поверхностный взгляд кажется, что академические споры не имеют отношения к конкретной экономической политике. На самом же деле практикующие политики, их советники и консультанты всегда вольно или невольно руководствуются в своих действиях и рекомендациях более или менее целостной теоретической конструкцией. Она оказывает мощное воздействие на принимаемые решения, которые в зависимости от ее содержания и восприятия могут быть благотворными или не очень.

Сегодня стало особенно очевидно, что увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы способно порождать эффекты прямо противоположные ожидаемым и тем самым серьезно противодействовать оздоровлению ситуации в стране.

Если, скажем, исходить из справедливости предположения, что «чем меньше государства, тем лучше для экономики», или, как писал Мизес, «любая государственная деятельность есть зло, навязываемое одними о «правильных» или «неправильных» государственных интервенциях». Иначе говоря, раз они все вредны, в принципе, то надо просто от них избавляться. Я считаю, что отнюдь не случайно в России большие проблемы с более или менее консолидированной влиятель-

ной силой, способной выявлять и реализовывать интересы общества как такового.

Сама категория «общественный интерес» оказалась здесь в значительной мере дискредитированной, что в общем-то вполне можно понять. Трудно было ожидать чего-то иного после длительного притеснения индивидуума государством в условиях коммунистической диктатуры. Но понять - не значит принять. Совсем не обязательно было вместе с грязной водой выплескивать и ребенка. А случилось именно так. И в результате место лицемерного «раньше думай о родине, а потом о себе» заняло не менее лицемерное «эгоизм каждого - благо для всех». Причем неизвестно, что в этой последней формулировке преобладает: установка на необузданную свободу по чисто мировоззренческим мотивам или вынужденная преданность ей в силу якобы закономерной слабости власти в условиях радикальной системной трансформации.

Вообще мне кажется, что непропорционально большое влияние радикального либерализма в «обслуживании» конкретной экономической политики в сегодняшней России связано в первую очередь с устаревшим и потому явно неадекватным пониманием современного основного потока в экономической теории. Судя по всему, фаза упрощенного неолиберализма либо завершена, либо близка к исчерпанию. Новейшие теоретические изыскания макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В этой связи новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике. Оно уже не вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый общественный интерес. А раз государство становится рыночным игроком, его деятельность должна подчиняться правилам рационального поведения. Иначе говоря, в каждый данный момент времени максимизация того или иного общественного интереса достигается при строго ограниченных ресурсах. Отсюда вытекает новый, более широкий взгляд на формирование рыночного

равновесия, предполагающий включение в число самостоятельных субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Все это составляет некую целостную концепцию, которую мы (совместно с профессором А. Я. Рубинштейном) излагаем в недавно вышедшей монографии «Экономическая социодинамика».

Как бы то ни было, если общественный интерес воспринимается только как сумма личных интересов и никак иначе, государство с его разнообразной экономической активностью неминуемо должно быть оттеснено на обочину социального устройства. Но черт, как известно, прячется в деталях. И некоторые из них особенно отчетливо высвечивают разницу между либерально-прагматическим и либерально-идеологическим подходами к экономической политике. Попытаюсь кратко обозначить, что я имею в виду.

Проклятье или благодать?

На протяжении последних лет на Россию неожиданно пролился золотой дождь нефтедолларов, что вызвало в рядах влиятельных «чистых» либералов если не панику, то, по крайней мере, что-то на нее похожее. Чего только по этому поводу не приходится слышать! Стремительное увеличение экспортных доходов ведет будто бы и к консервации теперешней структуры хозяйства, и к ускорению инфляции, и к параличу творческой энергии народа и т.д. и т.п. Возникало даже впечатление, что при высоких ценах на нефть и другое топливо и сырье лучше все это импортировать, чем экспортировать. В общем, внушалась мысль, что «деньги – зло» или уж совсем что-то сюрреалистическое типа «доходы скоро кончатся, потому что сейчас их слишком много». С точки зрения здравого смысла, «невезение» такого рода понять очень трудно. Вроде в стране столько нерешенных проблем и сфер, где можно было бы с пользой потратить, как говорят англосаксы, «прибыль, принесенную ветром» (*windfall profit*). Взять хотя бы сокращение огромного внешнего долга, обновление предельно изношенной городской инфраструктуры, обустройство границ с новыми независимыми государствами; не говорю уже о правительственных расходах на какие-то

инвестиционные нужды или на восстановление социального сектора экономики.

Но не тут-то было. Для доктринерского либерализма все это лишено смысла. И дело здесь не в том, что его адепты неверно оценивают последствия внезапного улучшения платежного баланса: при его хроническом активе действительно возникают побочные эффекты, включая так называемую импортируемую инфляцию и рост реального курса национальной валюты, чреватый увеличением импорта и снижением экспорта. Может быть, найдутся даже какие-то основания (я, правда, их не вижу) для рассуждений об опасности пресловутой «голландской» болезни. Но мы не первые испытываем такого рода проблемы. Мир сталкивается с ними давным-давно и применяет для их решения весьма надежный набор инструментов. При этом я что-то не помню, чтобы где-нибудь так же сильно, как у нас, переживали по поводу мощного притока свободно конвертируемой валюты. При рациональном, а не идеологическом отношении к делу ему, как правило, радуются, не забывая при этом изымать у хозяйствующих субъектов сверхдоходы и направлять их на разнообразные общественные нужды. Сошлюсь здесь только на известный мне опыт Великобритании и Норвегии. Мы же, судя по всему, упускаем такую возможность, причем вполне сознательно. Ведь доктринерский либерализм априори исходит из того, что индивидуумы всегда эффективнее потратят денежные средства, чем «бюрократическое» государство.

Что впереди?

Судя по всему, и президент, и правительство отдадут себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоносителей и сырья достигла критического уровня, и это уже представляет собой угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целе-

направленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели?

В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в этой связи о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении нрав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 90-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесторов в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами, - а они разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики, - и если считать, что, помимо резкого повышения мировых цен на нефть, в долгожданный экономический рост страны вносят вклад независимые от этих неожиданных стимулов факторы, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно, во-первых, и отчасти в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых, если, конечно, сохранится теперешняя (беспрецедентно высокая) степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России, в принципе, не имеет ограничителей, ибо в отличие от

стран ЦВЕ ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского союза хотя бы потому, что она не будет ее членом даже в долгосрочной перспективе. Нужно понимать, что ее хозяйство, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, становится объектом других, более мощных экономических игроков без каких-либо шансов на укоренение здесь «еэсовского» институционально-правового каркаса. Тенденция утраты субъектностеTM, а следовательно, и примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энерго-сырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, которая заключается в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Но данная альтернатива не может реализоваться спонтанно, без рационального поведения государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Не допустить другой крайности!

В теперешних российских условиях приходится считаться с другой крайностью, а именно с вполне вероятным разрастанием государственного экспансионизма, грозяще-

го прийти на смену безбрежному либерализму 90-х годов.

А опасность такая есть, так как в российском социуме явно зреет идея инициировать выполнение некой величественной мобилизационной программы, осуществление которой якобы вернет стране статус великой державы. Должен заметить, что у меня есть большие сомнения по поводу желания нашего народа приступить к выполнению величественной мобилизационной программы, какую бы благородную цель она ни преследовала. Так что очередная попытка «принуждения народа к счастью», скорее всего, провалится.

Конечно, в теперешнем российском обществе широко распространены ностальгические чувства и общее раздражение в связи с плачевными результатами реформ и распадом великой державы. Но это, скорее, месь за собственные иллюзии и эйфорию конца 80-начала 90-х годов. Тогда «народ и партия» были, как уже отмечалось, едины. Страна хотела прежде всего не хлеба, а свободы, а хлеба должно было прибавиться как бы автоматически. Думали, что к преимуществам социалистического общежития добавятся прелести рынка и демократии и мы все довольно быстро устроимся на солнечной стороне жизни, где уже обитает так называемый «золотой миллиард».

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реван-

шу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо величественного. Скорее, надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что освоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а с, так сказать, атомизацией социума, а проще говоря, с разобщением людей, в своем большинстве занятых чистым выживанием.

Насколько мне известно, реализация всех великих «телеологических» государственных проектов в России, независимо от того, были ли они утопичны или реализуемы, как правило, сопровождалась ужасающим угнетением личных свобод. И наоборот, как только в стране раскрепощалась личная инициатива и человек получал право на выбор, государство как таковое начинало стремительно утрачивать свое величие и подчас даже суверенитет. Совсем не обязательно, что и сегодня перед нами та же фатальная дилемма. У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. По, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями». Добавлю только, что так же дорого нам обходятся невыученные уроки.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□. □□□□□□□□□□.

BSEU Belarus State Economic University. Library.
<http://www.bseu.by> elib@bseu.by